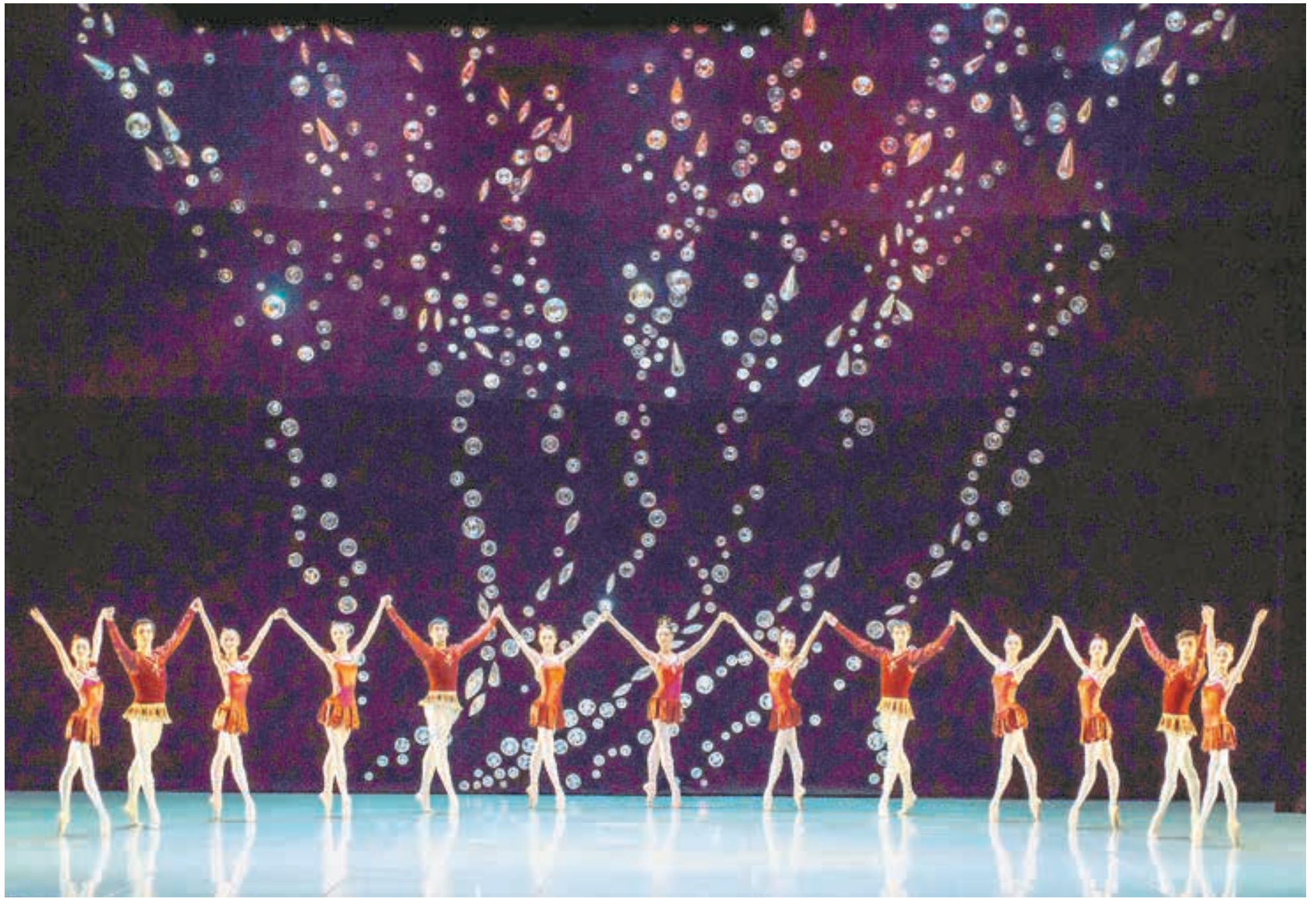


## КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ФОТО ПАВЕЛ СЕМЯНИКОВ



«Рубины» — что-то вроде бродвейского мюзикла на тему «галантных веков»

«Век танца: Стравинский — Баланчин» — это три одноактных балета «дягилевского» хореографа Джорджа Баланчина на музыку «дягилевского» композитора Игоря Стравинского, причём один из них — «Аполлон Мусaget» 1928 года — ещё и из дягилевского репертуара. Кроме «Аполлона» в программу вечера вошли «Рубины» — часть хореографической сюиты «Драгоценности» — и «Симфония в трёх движениях» — один из поздних (1972 год) балетов Баланчина, впервые ставящийся в России.

В отличие от «Симфонии», «Аполлон» и «Рубины» хорошо знакомы балетной публике: они идут и в Москве, и в Санкт-Петербурге. В своё время, когда в Перми стараниями общества «Арабеск» был показан «Аполлон» Мариинского театра, знатоки шептались: «У нас никогда в жизни не будет такого кастинга...» А теперь есть, и целых два состава.

Из всех трёх балетов «Аполлон Мусaget» более всего заставляет вспомнить буквальный перевод слова «хореография» — «рисунок танцем». В нём всё подчёркнуто красиво — каждый жест, каждая поза. Если непрерывно фотографировать сцену на протяжении всего действия, не будет ни одного случайного кадра — каждый красив, как «картина маслом».

Герои прекрасны, как статуи, — очевидна отсылка к античной эстетике. Двигаются они медленно, все движения плавны и точно выверены. Глаз радуется этим точёным силуэтам, застывшим, словно их вырезали из мрамора или алебастра. Но в этом заключается и

трудность, даже опасность этого балета: в него трудно вложить душу, огонь зажечь. Пермским танцорам удалось освоить балетную лексику и даже эстетику «Аполлона», но вот вжиться в эту художественную ткань пока не удалось — балет выглядит холодным. Возможно, просто ещё не «втANCEвались», нужно время.

Главный балетмейстер Пермского театра оперы и балета Алексей Мирошниченко и директор Дягилевского фестиваля Олег Левенков признавались, что мечтают поставить в Перми весь балет «Драгоценности», но пока это невозможно: для третьей части — «Бриллианты» — пермская сцена слишком мала, половина кордебалета попросту окажется за кулисами. «Получится как в анекдоте: хорошие ребята, жаль, что не видно», — шутил Мирошниченко.

«Рубины», как и «Драгоценности» в целом, — один из самых известных и популярных балетов Баланчина, изученный и интерпретированный вдоль и поперёк. Каприччио для фортепиано с оркестром Стравинского, ставшее его музыкальной основой, показывает очевидное влияние джаза на позднее творчество композитора, и хореограф на него откликнулся: лексика «Рубинов» полна отсылок к джаз-балету — это всё ещё классический пуантный танец, но уже появляются свободные бёдра и плечи. В целом «Рубины», с его танцами, имитирующими конные прогулки и светские балы, напоминает бродвейский мюзикл, посвящённый «галантным векам».

Пермская версия этого балета выглядит не совсем так, как привыкли поклонники баланчиновского New York City Ballet, по объективным причинам: там, где в американской труппе здоровенные чернокожие парни, здесь — хрупкие пермские мальчишки. Общая картина радикально меняется! Невысокий Руслан Савденков, занятый в партии, которая традиционно отдаётся самому здоровенному мулату, порхал по сцене, как эльф, и составил красивую пару с Натальей Домрачевой, которая недавно обзавелась броской фамилией де Фробервиль. Наталья эффектно выделялась женственными формами и энергичной пластикой на фоне анорексичных коллег, а вместе с Савденковым они на «пятёрку» справились с каскадом мелких па под дробное джазовое соло фортепиано (солист в оркестре — Алексей Зуев).

Увы, в «Рубинах» неприятность постигла солистку (условно называемую «Королевой» из-за короны на голове и царственной роли в балетном ансамбле): исполнительница этой партии Александра Суродеева упала посреди действия, да так размашисто, что наверняка сильно ушиблась. Тем не менее она мужественно продолжила танцевать с сияющей бродвейской улыбкой, а зрители подбодрили её аплодисментами.

Суродеевой вообще досталось в этот вечер: она исполняла сольные партии во всех трёх балетах! Сложно сказать, что заставило постановщиков — репетиторов Фонда Джорджа Баланчина Пола Боуза и Бена Хьюза — принять такое решение. Танцовщицу явно перегрузили.

Падение Суродеевой было не последней «аварией» за этот вечер: в разгар исполнения «Симфонии в трёх движениях» на сцене с разбега столкнулись Александр Таранов и Денис Толмазов. Первый, в соответствии с фамилией, сыграл роль тарана, и второй рухнул на сцену. Что ж, «Симфония...» — чрезвычайно энергичный, живой, спортивный балет.

В своих поздних работах Баланчин всерьёз увлёкся темой спорта: танцевальный язык «Симфонии...» имитирует и бег, и спортивную ходьбу, и даже плавание, при этом танцовщиков на сцене довольно много. Учитывая небольшие размеры пермской сцены, столкновения весьма вероятны.

Инциденты на сцене не испортили общего впечатления от балетного вечера. Баланчин на пермской сцене смотрелся элегантно, столично, абсолютно не китчево. Само содержание вечера, независимо от факта открытия фестиваля, делало его изысканно светским. Это не просто «ещё один Баланчин» в пермском репертуаре, а новая высота, взятие которой потребовало от танцовщиков безупречности.

Говоря о значении премьеры в жизни пермского балета, Алексей Мирошниченко рассказал, что в разгар подготовки «Века танца», 3 июня, шёл репертуарный спектакль «Лебединое озеро», и это было лучшее «Лебединое озеро» за все пять лет работы Мирошниченко в Перми. «Баланчин прочищает и мозги, и позицию ног», — афористично высказался по этому поводу балетмейстер. ■